

Татьяна Батурина

Ясень

Стихи о Природе

Книга вторая

Волгоград
2018

ББК 84(2Рос-4Вог)6-5
Б28

*В оформлении использованы
живописные работы народного художника
Украины Андрея Антонюка*

*Автор сердечно благодарит
Сергея Чукина за благотворительную
помощь в издании поэтической книги «Ясень»*

Батурина Т. М.

Б28 Ясень [Текст]: стихи о Природе / Татьяна
Батурина. – Волгоград: Издатель, 2018. – 224 с.

© ГБУК «Издатель»,
оформление, 2018
© Батурина, Т. М., 2018

«НАДЫШИШЬСЯ СВЕТОМ...»

О, читатель! Если ты сейчас ведёшь со мной беседу, значит, вышла в свет ещё одна книга стихов нашей землячки – прекрасной русской поэтессы Татьяны Михайловны Батуриной, члена Союза писателей России, журналиста, филолога, лауреата многочисленных литературных премий.

«Ясень» – так назвала она сборник избранной пейзажной лирики. Хотя Варлам Шаламов утверждал: «В строгом смысле слова никакой пейзажной лирики нет. Есть разговор с людьми и о людском, и, ведя этот разговор, поэт смотрит на небо и на море, на листья деревьев и крылья птиц, слушает собственное сердце и сердце других людей. Пейзажной лирики нет, но есть чувство природы, без которого поэт-лирик существовать не может».

Тему природы, заключающую в себе целую гамму эмоций, мыслей, многие пишущие выбирают в качестве основной. Однако есть мнение, что жанр, к которому она принадлежит, – один из сложнейших в поэзии вопреки его кажущейся лёгкости. Пейзажные стихи надо писать либо сверхталантливо, либо не браться вовсе. Думается, что всё гениальное о красоте Божьего мира давно рождено другими и трудно добавить что-то равноценное Тютчеву, Фету, Бунину, Есенину... Но

находятся мастера слова и дарят свои великие, не побоюсь этого определения, строки, душевные, образные, наполненные философским смыслом. К числу таких служителей музы относится создательница «Ясеня».

Вот что писала в предисловии к книге «На полянах Рождества», осмысливая стихи своей почти полной тёзки, литературный критик из Санкт-Петербурга Татьяна Петровна Батурина: «...Можно говорить о развитии её поэтического дара в русле тютчевской традиции. Однако мистическое начало обретает в её лирике прежде всего духовное осмысление и, как это ни покажется странным, поэтически точное и ясное, даже прагматичное. Эту ясность не затуманит ни обилие архаизмов, или слов, созданных по законам архаики, ни специфически религиозные термины. И то, что кажется сначала непостижимым или просто непонятым, проясняется, едва войдешь в мир её стихов, очень определённых и по смыслу, и по направленности, и по стилю. Многие современные поэты обращаются к вере как к идеологической и нравственной опоре, но лишь некоторые делают её своим поэтическим арсеналом, источником поэтической образности».

Авторами предисловий к печатным изданиям православной волгоградской писательницы были многие известные лица: доктора филологических наук, профессора Александр Млечко и Василий Супрун, члены Союза писателей России Лев Кривошеенко и Анатолий Егин и другие. Я не берусь состязаться с ними в профессионализме, красноречии и научности взглядов, но прочесть с интересом

сборник стихов, высказать своё мнение о нём, растащить прекрасное на цитаты и поделиться впечатлением с народом – мне по силам.

И всё-таки почему «Ясень»? Не потому ли, что это удивительное дерево?! Под его редколистной кроной спокойно можно загорать, солнечные лучи легко проникают сквозь ветви. «Слово ясень происходит от ясный, светлый», – подсказывает всезнающий Даль. Такая же светодарная поэзия у моей землячки – согреешься, но не обгоришь. Искрят великолепные эпитеты, которые Татьяна Батурина находит буквально на ходу, вернее, на лету. А ведь у ясеня тоже плоды – крылатки, на ветру свободно парящие... А ещё это дерево издревле считалось проводником между мирами, якобы оно воскрешало жизни, наделяло человека волшебной силой, отгоняло нечисть; объединяло противоположности и являлось аллегорией вечной жизни.

Вот такая непростая «ботаника» получается, в которой как бы помогают разобраться стихи, вошедшие в новый сборник. Какие-то из них уже имели опыт общения с книжечками, иные, как масляные блинцы, ещё горяченькие, румяные, – обрушились на сочинительницу будто с небесного рога избылия, стоило ей только воскликнуть: «Вдруг так захотелось стихов!» И с теми, и с другими соседствуют ранние стихи авторессы, не публиковавшиеся прежде в её книгах. Появившиеся на заре творчества строки одарённой волжанки достойны того, чтобы о них говорили.

Когда-то известный поэт Евгений Долматовский заметил: «Стихи Татьяны Батуриной впервые появились в печати в начале семидесятых годов и

обратили на себя внимание безудержной и просто-душной искренностью, которая в счастливых случаях отличает настоящую поэтичность от юношеской завороченности поэзией.

Здесь, по-видимому, случай действительно оказался счастливым — стихи Батуриной последующих лет свидетельствовали: рука твёрже держит карандаш, но не позволяет затвердеть, окаменеть чувству».

Бывает неуютная погода,
Добрó бы снег,
Да нá тебе — вода.
Вода, вода, из-под её покрова
Потом пробьётся к свету лебеда!
И все забудут, что ругали зиму,
Что проклинали талые снега,
Когда под утро в лебедовом царстве
Запутается тонкая нога...

Собственность

Читаю строки наблюдательной, неравнодушной пиитки, говорящей образами: лебедовое царство, покров воды, погода неуютная... Лебеда у неё не вырастет, а пробьётся к свету... И, конечно, не все способны были, как юная девушка, «идти босой по новому дождю — и воду пить, как собственность свою». Хотя Татьяна Батурина до сих пор считает свою собственностью и рассветы, и ромашки-юницы, и вершины горные, и даль полей... Это всё принадлежит её душе, её сердцу, её перу.

Поэзия — в простом и обычном «наперекор годам, календарю я каждый день сама себя рож-

дала, я столько лет самой себя дарю!..» — звучит в раннем стихотворении сочинительницы, где она признаётся: «Всего, что мать дала, мне было мало».

Как было всем понять, что окружало
Меня — непостижимое для них?
Я столько в устном слове открывала,
Как ни в одной из вычитанных книг!
Моя бедность

О какой бедности идёт речь? Какого богатства недоставало девушке? Знаний, опыта, ощущений, веры, понимания вечности. Не хватало Татьяне ступенек, чтобы шагать «вмах». Она «бродила рядом, в Небо глядя, и думала о бедности своей»...

Писательница до сих пор шагает «вмах» и по жизни, и в творчестве. Чувства не окаменели, а вера окрепла, Божий дар расцвёл и дал прекрасные плоды. И всё же исток её, теперешней, именно там, в самом начале семидесятых, а то и раньше. Танечка Бойко (девичья фамилия Батуриной) уже в семь лет писала стихи, а любящий отец терпеливо записывал вирши дочери в школьную тетрадку. Как жаль, что однажды поэтесса уничтожила этот рукописный клад! В молодости мы все совершаем ошибки и... бываем хулиганками.

Я скоро стану хулиганкой
И над собой захохочу,
Надену платье наизнанку,
В деревню к деду укачу, —

шутливо говорила сочинительница в стихотворении «Хулиганка» в 1965 году. Она и в те лета знала, «от-

куда родом лопухи...», и воспевала мир по-своему, наивно, «в простых восторженных куплетах», но, несомненно, уже тогда это было талантливо.

Однако вернёмся в наше время. Первым у книжной калитки встречает читателя стихотворение «У дерева», предлагая путнику посидеть под ясной кроной, под шелестностью листьев-страниц и предаться возвышенному в дубраве рифм, ритмов, эпитетов, тонов и полутонов поэзии. Ясеновые стихи подобраны трепетно, птицами с дивными названиями устремляются они друг за другом в песенную стаю – где осмысленно, где по наитию.

Я уже многожды убеждалась в художественной утончённости поэтического дара Татьяны Батуриной, в её способности удивлять и радовать читателя. Кто-то назвал писательницу мастерицей неожиданных глаголов, их с лёгкостью изобретает её пытливый ум! А краски... Вы знаете, сколько цветов у радуги? Так вот, палитра художницы строф бесконечно богаче. Не стану приводить примеров по этому случаю, ибо читателю самому будет лестно сделать множество открытий. Даже тем, кто знаком с прежними публикациями поэтессы, не помешает ещё раз заглянуть в «Сказку о юности», в «Окошечко родни», услышать «Музыку рода» (названия стихов). «Копилась великая музыка рода, в ней пели петунии, цвели петухи, скользила меж пажитей реченька Роса, пока не стекла – до слезинки! – в стихи». Да, да, именно «пели петунии, цвели петухи», а не наоборот. Этим и отличается поэт от обычного человека.

И «бальзамин», и «куст, похожий на шалфей», «вьюны и мяты», «черёмухов снег», «одуванчико-

ва óдунь», «простоватые яблони», «клён, вратарь осенних врат», «древо вишнёвого рода», «огородный лопух» и «веточка весенняя»... произрастают на страницах по соседству с ясенем. А вокруг «ночи чудóвы, óблаки бéлы, нивы медóвы, ветры-гуделы...».

«Лопушится поэма моя в моём огороде!», – пишет Татьяна Батурина. «Лопушится...», да ещё как! Ярко, неповторимо, запоминающе! Дух захватывает от великолепных строк: «Вытянул к солнцу хрустальные шеи зимний наш сад-палисад...» Не устаю дивиться: «Ах, какой образ: «...хрустальные шеи»... Впрямь... хрустальные, обледенелые... А между строк-картин в каждом стихотворении «во имя тайны радуется свечка, заоблачными струями дыша»...

Наблюдает ли писательница «в лдяную щёлку за летом в оплетии лоз» («Про море»), зажигает ли грустно «осенние свечи», пишет ли гимн утру: «Ветер сиял, пели дубравы солнечный гимн красной земле. В синей воде белы купавы плакали ó белой зиме...» («Сияющее утро») – всё получается о России, о её тернах и красноталах, о природе Быкóвых Хуторов и украинских Житне-Гор (отчие края для Татьяны). «Что ни малюю – всё выходит про Россию, и кажется, она мой правит стих», – признаётся наша землячка.

А ещё «правит стих» Татьяны Батуриной Божественная лира, струны которой поэтесса перебирает вдохновенно:

Томлюсь: увеличу ли музыку рода?
Ведь сколь на душе шелковья-суровья!

Иль нищим порывом пиита-рапсода
по ветру пустому развею её?» –

волнуется мастерица слова. Напрасно волнуется: музыка рода дополнена и украшена прекрасными аккордами талантливых строк! Праотцы (название одного из недавних стихотворений) могут гордиться своей Татианой. И конечно же волжанка, появившаяся на свет в Сталинграде, восторженно всматривается в «ненаглядность старорусских берегов», говоря с нежностью о любимой реке: «Волга-радость, мой домашний Иордан».

«Слаб человек, но не поэт, одушевлённый словом», – утверждает сочинительница. А я думаю, что читатель тоже силен, когда одушевлён такой поэзией, «...где заодно молитва и молва, где всяка песнь – с родного огорода, хоть травные, но вяжет кружева». А завершить свои мудрствования хочу словами – то ли о сборнике, то ли о дереве – (догадайтесь сами):

Особенно яшень хорош,
Пространник с секретом:
Душою его разомкнёшь –
Надышишься светом.

Н а д ы ш и ш ь с я...

*Людмила Кузнецова-Киреева,
член Союза писателей России*

У ДРЕВА

Особенно ясень хорош,
Пространник с секретом:
Душою его разомкнёшь —
Надышишься светом.

Заплачет душа, запоёт
У древнего дерева:
Ужель внесена наперёд
Фамильная треба —

Молитва за будущий род?
Недаром он длится,
Скликая на родственный сход
Туманы и лица.

Всего обо всех не узнать,
И мало ли басен!
Всё лучшее свету под стать,
Особенно ясень...

2003

* * *

Что знает мир о родине моей?
Велик порыв влететь в родной питомник,
Где, ополчённый колкостью ветвей,
От роду сладок матушкин крыжовник.

И так высок отцовский виноград,
Что не задеть косынкой пестрядинной!
И ныне дозволяет вертоград
Расплакаться в листве своей былинной.

Ах, поздних слёз простительная прядь
Былых мечтаний, радостей, желаний!
Теперь почти единственная рать
На страже постаревших упований...

2002

ПРИМАННАЯ МУЗА

Укроюсь в утешающей природе,
Усну, листвяной прелестью дыша...
Меня разбудит Муза и проводит –
Куда незнамо, и замрёт душа.

Что будет дале – встреча иль прощанье?
Всему на свете выучен пиит,
Но Музы мимолётной предвещанье
Ни тайны, ни разгадки не таит.

Ей мил пиит, затвор его талана*,
Ей по сердцу на стогнах** лити́я***,
А тонь ея извечного примана –
Не тоньше, не извечней бытия.

2002–2018

* Талан – судьба (др.-рус.)

** Стогны – площади (др.-рус.)

*** Лити́я – всенародное моление (церк.-слав.)